М. М. Сафонов

Сафонов Михаил Михайлович, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, старший научный сотрудник.

E-mail: m.safonov@list.ru

ЗА КУЛИСАМИ РЕВОЛЮЦИИ: ИНТРИГА И ВЛАСТЬ («КРУГОМ ИЗМЕНА И ТРУСОСТЬ, И ОБМАН»?)

В статье предпринята попытку выяснить вопрос о том, какое влияние «первый революционный эксцесс» в Петрограде разгром и сожжение дома министра императорского двора В.Б. Фредерикса и его зятя дворцового коменданта В.Н. Воейкова оказал на решение императора Николая II отречься от престола. Автор пришел к выводу, что досрочный отъезд царя из Ставки в Могилеве в Царское Село был спровоцирован деятелями оппозиции, распространявшими ложные сведения о движении революционной толпы на императорскую резиденцию, где находилась любимая жена и больные дети императора. Автор установил, что сведения о петроградском погроме особняка двух ближайших к императору людей их его свиты были получены в Пскове, где находился в тот момент Николай II, когда перед царем был поставлен вопрос о необходимости его абдикации. При этом из Ставки, добивавшейся отстранения Николая II от власти, в Псков были преданные ложные сведения о переходе войск, охранявших императорскую семью, на сторону революции. Эта дезинформация вилась решающим аргументом, побудившим императора объявить о согласии на отречение, чтобы в действительности спасти свою семью от неминуемой гибели. Автор допускает, что разгром дома Фредерикса и Воейкова явился заранее спланированной акцией оппозиции, имевшей целью запугать Николая II и тем самым заставить его пойти на уступки.

Ключевые слова: Революция, Николай II, В.Б. Фредерикс, А.Н. Воейков , Н.В. Рузский, М.В. Алексеев, отречение от престола, Могилев, Псков, Царское Село, Ставка, штаб Северного фронта

© Сафонов М. М., 2021

M. Safonov

Safonov Mikhail Mikhailovich, candidate of historical Sciences, St. Petersburg Institute of history of Russian Academy of Sciences, senior researcher.

E-mail: m.safonov@list.ru

BEHIND THE SCENES OF THE REVOLUTION: INTRIGUE AND POWER ("AROUND TREASON AND COWARDICE, AND DECEPTION"?)

The article attempts to clarify the question of what influence the "first revolutionary excesses " in Petrograd, the destruction and burning of the house of the Minister of the Imperial Court V. B. Fredericks and his son-in-law, the palace commandant V. N. Voeikov, had on the decision of Emperor Nicholas II to abdicate. Author came to the conclusion that the tsar's early departure from the Headquarters in Mogilev to Tsarskoye Selo was provoked by opposition figures who spread false information about the movement of the revolutionary crowd to the imperial residence, where the emperor's beloved wife and sick children were. The author established that the information about the Petrograd pogrom of the mansion of the two people closest to the emperor and his entourage was received in Pskov, where Nicholas II was at the time when the tsar was asked about the need for his abdication. At the same time, from the Supreme Commander's Headquarters, which sought the removal of Nicholas II from power, false information was sent to Pskov about the transfer of troops guarding the imperial family to the side of the revolution. This misinformation was the decisive argument that prompted the emperor to declare his consent to the abdication, in order to actually save his family from certain death. The author admits that the destruction of the house of Fredericks and Voeykov was a pre-planned action of the opposition, which was intended to intimidate Nicholas II and thereby force him to make concessions.

Keywords: Revolution, Nicholas II, V. B. Fredericks, A. N. Voeykov, N. V. Ruzsky, M. V. Alekseev, abdication of the throne, Mogilev, Pskov, Tsarskoye Selo, Supreme Commander's Headquarters, headquarters of the Northern Front

****

На вопрос одного из персонажей известного булгаковского романа: «Вы историк?», главный герой отвечает: «Я - историк». И ни к селу, ни к городу добавляет: «Сегодня вечером на Патриарших прудах будет интересная история». Интересная история произошла 27 февраля 1917 г. Но она имела отношение и к городу, Петрограду, и к Селу, на этот раз, Царскому. Продолжилась в Пскове, на железнодорожном вокзале, где, выражаясь фигурально, под колеса локомотива истории соскользнула РВ ночь с 27 на 28 февраля в столице произошел первый в истории Великой российской революции «революционный эксцесс». Жертвами его стали министр императорского двора В.Б. Фредерикс и дворцовый комендант В.Н. Воейков, женатый на дочери министра. В конечном итоге и сам монарх. Бенифициаром же разгрома стал Председатель военной комиссии Временного правительства А.И. Гучков вместе с В.В. Шульгиным, членом Государственной Думы.

Обычно революционные эксцессы такого рода сопровождаются разгромами, грабежами и изнасилованиями. Но в этом случае обошлось без изнасилований, хотя жертвами погрома стали две женщины: жена министра и его дочь. С 10 часов вечера 27 февраля петроградский особняк Фредерикса (Почтамтская, 23/8) подвергся нападению со стороны солдат гвардейского Кегсгольмского полка. Подстрекаемая провокаторами толпа под предлогом того, что Фредерикс носил немецкую фамилию и, следовательно, являлся шпионом (хотя в действительности его фамилия была шведской) пробовала проникнуть вовнутрь особняка, чтобы проверить, нет ли на крыше пулеметов для разгона толпы. Но прислуга двери не открыла. Тогда собравшиеся начали бить стекла и стрелять по окнам, а потом разошлись. Но на следующее утро толпа, насчитывающая около тысячи человек, среди которой помимо кегсгольмцев находился всякий столичный сброд, в том числе и небезизвестный Мамонт Дальский, актер и анархист, ворвалась во внутрь, разгромила винный погреб, разграбила и сожгла особняк. Престарелую и тяжело больную графиню Яну Богушевскую, жену министра вынес из дома, завернув в одеяло, верный слуга, дочь ее же Евгения, супругу дворцового коменданта, избили, а ее любимая собака была изранена. В конце концов графиня, почти что при смерти, после ряда мытарств оказалась в конногвардейском госпитале.

Эффект от этого первого революционного эксцесса оказался настолько велик, что о нем написала даже лондонская «Times»![1]

Но причем же тут отречение Николая II? Говоря словами булгаковского героя, отречение «здесь вот при чем». Во время погрома дома В.Б. Фредерикса и его зятя В.Н. Воейкова дома не было. Их вообще не было в Петрограде. Оба находились в Могилеве. В Ставке верховного главнокомандующего. В свите императора Николая. Что зять, что тесть оба - доверенные люди царя, его ближайшее окружение. Лица, с которыми он обсуждал дела и советовался, не вызывая их на прием. По ходу дела. В советское время это называлось «дворцовая камарилья». Двое суток спустя и Фредерикс, и его зять Воейков станут фигурантами довольно темного дела об отречении императора Николая. А подпись министра двора появиться на документе, якобы удостоверяющим это отречение. Абдикационный же акт, который называют то «актом отречения», то «манифестом об отречении», хотя в действительности он не является ни тем и не другим, окажется «филькиной грамотой», с формально-юридической точки зрения абсолютно несостоятельной, к тому же существующей в двух экземплярах с разными датами с подтирками. К тому же на обоих экземплярах этого судьбоносного «акта» окажется длинная скрепляющая подпись Фредерикса, абсолютно (?!) идентичная на том и на другом[2]. Этот же более чем странный документ послужит переломной вехой, после которой революция в России станет необратимой, явится началом крушения монархии, гибели трехсотлетней династии Романовых[3].

Что же происходило в Петрограде в высших эшелонах власти в то время, когда кегскольмцы начали осуществлять свою авантюру?

Днем 27 февраля в Думе был создан Временный комитет, а к вечеру председатель думы М.В. Родзянко объявил, что берет власть в свои руки. Став председателем Временного комитета, Родзянко предпринял шаги, чтобы легализовать свое новое положение: полученную власть сделать из временной постоянной. Но для этого ему была нужна санкция престола. Он послал две телеграммы в Ставку. Вначале начальнику штаба М.В. Алексееву, а затем и самому царю с предложением поставить себя

[1] *Воейков В. Н.* С царем и без царя. М., 1995. С. 286–287.

[2] *Рупасов А. И., Сафонов М. М.* Вокруг отречения Николая II // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2. С. 271–284.

[3] *Сафонов М. М.* «Ставка. Начальнику штаба». Вокруг отречения Николая II // Великая война: Последние годы империи. Сборник научных статей XX Царскосельской конференции. СПб., 2014. С. 468–484.

во главе правительства, чтобы предотвратить разгоравшуюся революцию. Николай на его телеграммы не отвечал. Родзянко решил опереться на ближайших родственников царя. Ближе всего он был связан с великим князем Михаилом, с которым поддерживал тайные связи. Еще 26 февраля он вызвал великого князя из Гатчины, а во второй половине дня 27-го явился в Мариинский дворец вместе с думской делегацией и пытался уговорить Михаила от имени царя поручить ему сформировать кабинет доверия. Но князь отказался, так как у него не было для этого таких полномочий. Тогда Родзянко стал склонять премьера Н.Д.Голицына сложить с себя и со своего кабинета полномочия и передать их председателю Думы. Уйти в отставку Н.Д. Голицын был готов, но передавать власть в чужие руки без санкции царя никогда бы не стал. Тогда Родзянко сделал предложение Михаилу принять на себя регентство, но получил отказ: без согласия императора великий князь не мог принять такого ответственного решения[4].

В 22.30 27 февраля, когда солдаты Кегсгольмского полка уже начали стращать обитателей фредериксова особняка, великий князь Михаил вызвал к прямому проводу начальника штаба Ставки верховного главнокомандующего М.А. Алексеева. Михаил телеграфировал в Ставку из дома военного министра М.А. Беляева, располагавшегося недалеко от Почамтской улицы (Мойка, 67), где уже запахло жаренным. Он просил наштаверха доложить Николаю о том, что глубоко убежден: необходимо распустить Совет министров. Того же мнения придерживается и премьер Голицын. По словам великого князя в сложившихся условиях единственно возможным будет «остановить выбор на лице, облеченном доверием» императора «и пользующемся уважением в широких слоях, возложив на такое лицо обязанности председателя Совета Министров, ответственного единственно перед» монархом. «Необходимо поручить ему составить кабинет по его усмотрению». Михаил просил уполномочить его немедленно объявить об этом от имени Николая. Кандидатом же на пост премьера кабинета доверия Михаил предлагал Г.Е.Львова. В то же время великий князь просил, повременить с возвращением Николая в Петербург [5].

В 22. 25 Алексеев телеграфировал Беляеву, что «По высочайшему повелению главнокомандующим Петроградского военного округа назна-

[4]См. подробно: Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х томах. Февральская революция. Т. 3. СПб., 2014. С. 165–185.

[5]Красный архив. (Далее: КА). 1927. № 2 (21). С. 11.

чается генерал-адъютант Иванов с чрезвычайными полномочиями»[6]. Наштаверх немедленно доложил царю, а затем передал по телеграфу его ответ. Он поблагодарил великого князя и при этом сообщил, что в виду чрезвычайных обстоятельств царь выезжает завтра в половине третьего. «Все мероприятия, касающиеся перемен в личном составе», откладывает до времени его возвращения в Царское Село. В Петроград направляется генерал-адъютант Н.И. Иванов в качестве главнокомандующего с надежным батальоном. Ему придаются наиболее надежные части, снятые с фронта.

После доклада Алексеева Николай отправился в штаб и в 23.25 сам послал телеграмму Голицыну о том, чтобы он оставался на своем посту. При новом военном начальнике премьеру предоставляются все необходимые права по гражданскому управлению. Если Михаилу царь передавал, что перемены личного состава откладываются, то премьеру Николай категорически заявил: «Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми»[7]. То есть, вся полнота гражданской власти оставалась по -прежнему в руках премьера, облеченного диктаторскими полномочиями.

Вечером 27 февраля обер-гофмаршал П.К. Бенкендорф сообщил из Царского Села, что императрица вместе с больными детьми собирается выехать навстречу Николаю. Бенкендорф передал, что по сведениям, полученным от Беляева, революционная толпа собирается двинуться из Петрограда на Царское Село[8]. Воейков тут же связался с Беляевым и узнал от него, что эти сведения распространяются самим Родзянко[9]. Николай велел передать семье, чтобы она оставалась на месте. Хотя царь первоначально собирался выехать завтра днем, обстановка в Царском Селе, где императорской семье уже угрожала непосредственная опасность, заставила его ускорить свой отъезд.

Попробуем наложить события, разворачивающиеся на Почтамтской улице, на то, что происходило в эти часы в Могилеве, в губернаторском доме, в ближайшем окружении царя. Флигель-адъютант А.А. Мордвинов так описал их в своих мемуарах. «Вечером, около десяти часов, во время чая, когда ни граф Фредерике, ни Воейков обыкновенно не появлялись, они оба неожиданно вошли к нам в столовую. Граф Фредерикс прибли-

[6]Там же. С. 10–11.

[7]Там же. С. 13.

[8]*Блок А.* Последние дни императорской власти. Пг., 1921. С. 82.

[9]*Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 226.

зился к государю и попросил разрешения доложить о чем-то срочном, полученном из Царского Села. Его величество встал и вышел вместе с ним и Воейковым в соседнее зало, где доклад и переговоры продолжались довольно долго. Государь затем вернулся к нам один, но был, видимо, очень озабочен и вскоре удалился в свой кабинет, не сказав нам ни слова. Мы совершенно не знали, в чем заключался неурочный доклад министра двора, но, судя по озабоченности государя, и по отрывкам долетавшего до нас разговора, догадывались, что положение в Царском Селе становилось серьезным и опасным, о чем сообщал по телефону из Александровского дворца граф Бенкендорф.

Встревоженные мы начали расходиться по своим помещениям, а проф. Федоров отправился к графу Фредериксу, чтобы узнать подробности волновавших нас событий. Внизу, в передней, ко мне подошел скороход Климов и предупредил, что, по имевшимся у него сведениям, на завтра утром назначено наше отбытие в Царское Село, что час отъезда еще не установлен и будет сообщен дополнительно, но что всей свите приказано готовиться к отъезду.

Я направился к себе в гостиницу Франция, чтобы отдать распоряжения своему старику Лукзену, и к своему удивлению нашел его уже почти готовым к отъезду, с уложенными вещами, ожидающим присылки автомобиля, чтобы ехать на вокзал.

Оказывается, что за несколько минут до моего прихода было передано по телефону извещение всем быть немедленно готовыми к отъезду, так как императорский поезд отойдет не завтра утром, а сегодня же, около 12 часов ночи. Было уже около половины двенадцатого. Я был дежурным и потому поспешил вернуться в губернаторский дом.

Внизу шла обычная перед отъездом суматоха; наверху, в полуосвещенном большом зале, перед кабинетом государя было пусто и мрачно. Пришел и генерал Алексеев, чтобы проститься с его величеством. Он оставался довольно долго в кабинете и, наконец, вышел оттуда. На вид был еще более измучен, чем днем. Его сильно лихорадило, он совсем осунулся и говорил апатично, но, прощаясь, оживился и, как мне показалось, с особенной сердечностью пожелал нам счастливого пути, добавив: «Напрасно все-таки государь уезжает из Ставки, в такое время лучше оставаться здесь. Я пытался его отговорить, но его величество очень беспокоится за императрицу и за детей, и я не решился очень уж настаивать».

На мой вопрос, не наступило ли улучшение в Петрограде, Алексеев только безнадежно махнул рукою: «Какое там, еще хуже. Теперь и моряки начинают и в Царском ужо началась стрельба»[10].

А.В. Воейков в своих воспоминаниях раскрыл подробности происходившего в царской Ставке. «В понедельник вечером по поручению Ее Величества ко мне позвонил из Царского Села обер-гофмаршал граф Бенкендорф, передавший, что государыня очень беспокоится за детей ввиду всего происходящего в столице и предлагает выехать с детьми навстречу Его Величеству. Кроме того, граф Бенкендорф мне сообщил, что основанием беспокойства Ее Величества явились сведения, полученные от военного министра генерала Беляева, так как ни с кем другим из членов правительства в данное время войти в контакт нельзя. По словам генерала Беляева, волнения в Петрограде настолько разрослись, что нужно опасаться движения революционной толпы из Петрограда на Царское Село. Поставив тотчас министра двора в известность о подробностях моего разговора с графом Бенкендорфом, я немедленно пошел к государю. Когда я доложил Его Величеству содержание разговора с графом Бенкендорфом, государь сказал: "Ни в каком случае... Больных детей возить поездом... ни за что". (В то время уже четверо из детей были больны корью).

Затем государь добавил: "Передайте Бенкендорфу, чтобы он доложил Ее Величеству, что ввиду создавшегося положения я сам решил сейчас ехать в Царское Село, и сделайте распоряжения для отъезда. Я доложил государю, что он может сейчас же ехать ночевать в поезд, что все приготовлено и что поезд может через несколько часов идти в Царское Село"».

…

По окончании разговора с генералом Алексеевым Его Величество сказал мне, что он не изменил своего решения ехать, и поручил мне переговорить по аппарату Юза с генералом Беляевым, так как последний, по словам графа Бенкендорфа, имел сведения о Царском Селе. Вернувшись в штаб в аппаратную комнату, я потребовал соединения с военным министром. Генерал Беляев сам подошел к аппарату и на мой вопрос о положении дел сказал, что положение — катастрофическое, что все правительство, равно как и командующий войсками Хабалов, совершенно растерялось и, если не последует энергичного вмешательства, революция примет грандиозные размеры. Относительно высказанного ему опасения за движение толпы на Царское Село генерал Беляев сказал, что это

[10]Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. 2 издание. Л., 1927. (Далее: Отречение Николая II). С. 91–92.

— сведения, распространяемые председателем Государственной думы Родзянко. Мой разговор с генералом Беляевым я доложил государю. Его Величество сказал, что им уже послан со Ставки в Царское Село назначенный главнокомандующим Петрограда генерал-адъютант Иванов с Георгиевским батальоном, причем выразил уверенность, что прибытие всеми любимого и уважаемого в армии генерала Иванова даст возможность мирным и спокойным путем разрешить военные беспорядки»[11].

Обер-гофмейстер П.К. Бенкендорф вспоминал: М.А. Беляев сообщил ему, что М.В. Родзянко предупредил его о грозящей царице и ее детям опасности и требовал, чтобы она немедленно покинула Царское. Бенкендорф передал полученные сведения Воейкову и просил, чтобы царь отдал распоряжение об отъезде на следующий день. Но Николай приказал, чтоб все было готово на следующий день, но императрица должна была держать это втайне. Государь собирался приехать в Царское Село утром 1 марта[12].

Так появился, говоря современным языком «фейк», которому, как мы увидим позже, было суждено сыграть важнейшую роль в процессе отречении Николая II. Однако никто из исследователей революции еще не осознал места этого фейка в процессе крушения Российской монархии.

На самом деле в то время в Петрограде никто не думал о походе на Царское Село и расправе с императорской фамилией. Это была сознательная ложь М.В. Родзянко. Цель ее состояла в том, чтобы запугать царя и заставить его передать власть в руки Председателя Государственной Думы. Не исключено, участником этой интриги был и военный министр М.А. Беляев, передавший ложные сведения в Ставку. Во всяком случае, он снимал военные подразделения из Царского[13]. Действия не очень логичные, если царской резиденции угрожает опасность. Создается некая потенциальная опасность, вроде похода женщин на Версаль во время Великой французской революции. Еще утром 27 февраля Родзянко отправил присяжного поверенного Н.Н.Иванова, чтобы попытаться использовать для этих же целей дядю царя великого князя Павла. М.В. Родзянко послал Иванова якобы для того, чтобы произвести зондаж, не задумывает ли Ставка карательной экспедиции против Петрограда. Но истинная цель визита конфидента Председателя Думы в царскую резиденцию заключалась в том, чтобы напугать ее обитателей и посеять панику. Когда Иванов прибыл в

[11] *Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 224–226.

[12] *Benkendorff P.* Last days at Tsarskoe Celo. London, 1927. P. 110, 113.

[13] Ibid. P. 115.

Царское Село, то там не было «ни малейших признаков тревоги». В дворце слышали, что в Петрограде «какие-то беспорядки», но не придавали им никакого значения. Однако посланец Родзянко заверил великого князя и охрану резиденции, что «это безусловно революционное восстание, пока местное и слабое, но сила которого будет расти с каждым днем». Великий князь заявил: «По дворцовым сведениям ничего угрожающего». Также реагировал на слова Иванова и М.С. Путятин, заместивший дворцового коменданта: «Революция? Откуда ей взяться?»[14].

Посланец Родзянко умудрился провести «подрывную работу» даже среди Царскосельского гарнизона. От одного из офицеров Иванов узнал, что царскосельский гарнизона «начинает нервничать по поводу "петроградских событий" и пообещал прислать комиссара из Таврического дворца». Иванов со своей задачей справился. Не только напугал императорскую семью, но и привез в Думу сведения о настроениях охранявших царскую резиденцию войск. По замыслу Родзянко обитатели царскосельского дворца должны были ретранслировать свои страхи в Ставку Николаю. Похоже, это удалось[15]. «Окружение Императрицы также пришло в беспокойство». Следствием всего этого и стал звонок Бенкендорфа в Ставку.

К сожалению, неизвестно точное время, когда Беляев позвонил Воейкову, до того, как великий князь Михаил пытался по телефону склонить царя поставить во главе кабинета, лицо пользующееся доверием общества, или после отказа Николая, полученного из Ставки. Но, несомненно: именно опасность расправы, якобы угрожавшая царской семье, инспирированная Родзянко, явилась главным толчком, заставившим императора срочно покинуть Ставку и направить в Царское Село батальон георгиевских кавалеров во главе с Н.И. Ивановым. По свидетельству командира батальона И.Ф. Пожарского офицеры его говорили солдатам, что едут «для охраны дворца»[16]. А великий князь Николай Михайлович утверждал впоследствии, что миссия Иванова имела целью успокоить царя и получить «отчет об истинном настроении войск царскосельского гарнизона»[17].

Первый приступ к дому Фредерикса в 10 ч вечера 27 февраля имел вид запугивания его обитателей. Он произошел именно в те часы, когда Род-

[14]Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 380–381.

[15]Там же. С. 381.

[16]Там же. С. 105.

[17]КА. 1931. № 6(49). С. 109–110.

зянко только стращал императора угрозой разгрома Царского Села. Но вместо того, чтобы уступить претензиям на власть Председателя Думы император принял решение самому поехать туда и разобраться со всем на месте, с помощью генерал-адьютанта Н.И.Иванова и батальона георгиевских кавалеров. Лишь после того, как Николай двинулся в путь, начался второй акт драмы на Почтамтской улице, уже по-настоящему жестокий. Но без убийств. Это выглядело как последнее предупреждение свите царя. Пока без крови (если не считать раненной собаки). Но достаточно грозное.

Император со своей свитой выехал из Могилева в 5ч утра 28 февраля[18]. Утром 1 марта он рассчитывал уже быть в Царском. Но, как известно, в 19. 05 часов вечера оказался в Пскове[19]. Путь в императорскую резиденцию, где находилась жена и дети царя, был для него закрыт. По дороге, не располагая связью, Николай и его приближенные ничего не знали ни о сожжении дома министра двора, ни о положении царской семьи. Но из дневника императора хорошо видно, что по пути домой царь думал не о начавшейся и набирающей ход революции, но о своих больных детях. И более всего о жене. Прежде всего он хотел спасти любимую супругу и обожаемых детей от гибели, а не страну от революции. Интересны показания историографа Д.Н. Дубенского в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (ЧСК). У него в бумагах нашли записку лейб-хирургу С.П. Федорову. Она была написана во время движения царского поезда. Дубенский считал, что надо повернуть на Псков потому, что «оттуда скорее и лучше можно помочь царской семье»[20]. Комментируя ее во время допроса, Дубенский показал: «Мы все здесь хлопотали, главным образом о семье, потому что нам сказали, что она подвергается опасности, что туда идут войска и хотят убить. Вот почему я и думал, что нужно прежде всего спасти семью»[21]. Фредерикс доверительно сообщал Дубенскому: «Государь страшно страдает <… >А его волнует мысль о семье, которая осталась в Царском одна, дети больны. Мне несколько раз говорил государь: “Я так боюсь за семью и императрицу. У меня надежда только на графа Бенкендорфа”. Вы, ведь, знаете, как

[18]Камер-фурьерские журналы. 1916–1917. СПб., 2014. (Далее: КФЖ). С. 433.
[19]КФЖ. С. 434.
[20]Падение царского режима. Т. VI. М.: Л., 1926. С. 408.
[21]Там же.

дружно живет наша царская семья… Государь беспокоится и о матери императрице Марии Федоровне, которая в Киеве»[22].

В Петрограде прекрасно знали «ахилессову пяту» императора и пытались максимально использовать ее для достижения своей цели. Рупором их стал главнокомандующий армиями Северного фронта Н.В. Рузский, штаб которого находился в Пскове, куда вместо Царского Села прибыл царский поезд, не сумевший прорваться в охваченный революцией Петроград. В период с 19 ч 1 марта до 3 ч 3 марта Рузский стал главным действующим лицом драмы отречения. Действия его направлялись и корректировались из Петрограда М.В. Родзянко, превратившимся в Председателя Временного комитета Государственной Думы, и из Могилева наштаверхом М.А. Алексеевым. Оставляя за кадром все подробности, отметим, что Николай, понимая, что необходимо идти на уступки оппозиции, по пути в Псков пытался ограничиться гемеопатическими дозами. Вначале он был готов согласиться на «министерство доверия», оставив за собой назначение силовых министров и министра иностранных. Но даже при таком минимуме уступок предполагалось, что переговоры об этом с М.В. Родзянко станет вести А.Н. Воейков, а телеграмма об этом будет послана от имени дворцового коменданта, а не самого монарха[23]. Но этот трюк не прошел[24]. 2 марта имел место разговор по прямому проводу помощника наштаверха В.Н. Клембовского с генквартимейстером Северного фронта В.Г. Болдыревым[25]. «Известно ли вам о прибытии конвоя его величества в полном составе в Государственную Думу с разрешения своих офицеров и о просьбе депутатов арестовать тех офицеров, которые отказались принять участие в восстании?[26] Известно ли также о желании государыни императрицы переговорить с председателем Исполнительного Комитета Государственной Думы и, наконец, о желании великого князя Кирилла Владимировича прибыть лично в Государственную Думу, чтобы вступить в переговоры с Исполнительным Комитетом?, - спросил

[22]Отречение Николая II. С. 64.

[23]Падение царского режима. Т. VI. С. 405.

[24]КФЖ. С. 434.

[25]КА. 1928. Т. I(26). С. 203–208.

[26]*Сафонов М. М.* Генерал Н. В. Рузский фальсифицирует историю // Революция 1917 года в России: События и концепции, последствия и память. С.-Петербург, 11–12 мая 2017 года. С. 477.

Клембовский[27] и, получив отрицательный ответ, продолжил: «Представители армии и флота постановили признать власть исполнительного комитета Государственной Думы…Все излагаемое надо доложить главнокомандующему для всеподданнейшего доклада»[28]. Помощник наштаверха также потребовал, чтобы обо всех переговорах, которые ведутся между штабом Северного фронта и Думой докладывали Ставке[29].

Мы не знаем, смог ли Ю.Н. Болдырев передать эти сведения В.Н.Рузскому в царский вагон, когда глакосев дискутировал с Николаем относительно публикации манифеста об ответственном министерстве, ведь Ю.Н. Данилов, в тот момент находился в штабе Северного фронта. Неизвестно и то, располагал ли Рузский записью разговора с Клембовским, когда в 10. 15

2 марта[30] вместе с В.Н. Воейковым докладывал царю о ночных переговорах с Родзянко[31]. Только за час до утреннего приема генерал-квартирмейстер А.С. Лукомский еще раз напомнил об этом Данилову в разговоре по прямому проводу. Изложив, что было ему официально поручено Алексеевым (а речь шла об отречении, не больше не меньше), Лукомский добавил от себя, неофициально. Он попросил передать Рузскому, что по его глубокому убеждению отречение должно состояться, выбора нет. «Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласится, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударом Германии, и погибнет вся династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет. Я буду ждать твоего ответа»[32].

Впрочем, эти угрожающие ноты уже были и в записи разговора Родзянко с Рузским в ночь с 1 на 2 марта. «Народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморали-

[27]Ставка и революция. Штаб верховного главнокомандующего и революционные события 1917 — начала 1918 года по документам Российского государственного военно-исторического архива. Сборник документов 18 февраля – 18 июня 1917. Т. I. М., 2019. (Далее: Ставка и революция). С. 232, 238.

[28]КА. 1927. № 2(21). С. 78.

[29]Там же. С. 54.

[30]КФЖ. С. 434.

[31]КА. 1927. № 2(21). С. 55–59.

[32]Там же. С. 75.

зованы; не только не слушаются, но убивают своих офицеров; ненависть к государыне императрице дошла до крайних пределов, вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость» [33]. «К Государственной Думе примкнул весь петроградский и царскосельский гарнизон, то же самое повторяется во всех городах»[34].

Мы не знаем, исполнил ли Данилов просьбу-приказ Лукомского. Успел ли Данилов передать Рузскому запись своего разговора с Лукомским до того, как главкосев отправился докладывать царю о том, что во время ночного разговора Родзянко отклонил мысль об ответственном министерстве как запоздавшую и потребовал отречения царя в пользу сына. Но отметим, в Могилеве считали: отречение может быть вырвано у царя путем раздувания гипертрофированной опасности расправы над его семьей.

Более того, когда, примерно в это же время в Ставке готовили телеграмму главкомам фронтов, побуждая их, вопреки их собственному желанию обратиться через Рузского к царю с требованием об отречении [35] (рассылка началась в 10.15), то в первоначальном тексте ее, написанным Лукомским, были такие строки: «По мнению главкосева трудно ожидать согласия государя на предъявленные требования (отречения - МС.), так как даже убедить согласиться на ответственное министерство было очень трудно. Между тем обстановка крайне серьезна. По имеющимся сведениям, в Царском Селе не осталось верных войск. Дворец занят войсками, и нынешнее сравнительно спокойствие может быть каждую минуту нарушено, и царской семье грозит серьезная опасность. Отказ государя от предъявленных требований может повлечь к кровопролитному междоусобию и гибели России»[36]. Другими словами, наштаверх грозил императору убийством семьи царя, если он не согласится отречься. Но, видимо, Алексеев почувствовал, что это уж слишком и вычеркнул пассаж. А может быть посчитал, что изложенное недостаточно грозно. Упоминание о «нынешнем сравнительном спокойствии» звучало не так страшно, как фразы Клембовского: «Дворец в Царском Селе занят войсками». «Дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям». «И погибнет вся династия». При чтении этих строк невольно всплывают в памяти

[33]Там же. С. 56.

[34]Там же. С 57.

[35]Там же. С. 67–70.

[36]РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. № 1753. Л. 64; Ставка и революция. С. 269.

происшествия на Почтамтской улице. То что произошло там с домом и обитателями фредериксова особняка могло произойти и в Царском Селе, куда по словам М.В. Родзянки собиралась устремиться разъяренная толпа. Если же собственный конвой отправился в Таврический дворец, то кто защитит жену царя и его больных детей?

Невольно встает вопрос, что было известно в тот момент в окружении императора и знал ли сам монарх о разгроме дома министра двора, о судьбе его жены, о супруге дворцового коменданта, царедворцев, через которых осуществлялись контакты глакосева с самодержцем? Немаловажно и то, когда и как члены «ближнего круга» царя узнали обо всем произошедшем, и повлияло ли это на дальнейший ход событий, при выработке окончательного решения Николая II. Вопрос этот в историографии никогда не ставился.

Что касается Фредерикса, то, когда 78-летний уже бывший министр двора давал показания в Чрезвычайной следственной комиссии, он заявил, что во время отречения его вообще не было в Пскове, так как он был арестован, когда уехал из Могилева. На попытки следователя узнать истину, престарелый Фредерикс ответил категорически: «Я не помню»[37]. Большего от страдающего «расстройством памяти» старика добиться не удалось.

Что же касается его зятя, то в ЧСК В.Н. Воейков заявил, что ему это стало известно от «одного офицера»[38]. К сожалению, имя его дворком не назвал. В своих воспоминаниях комендант указал время и место, где он узнал трагическую новость. 2 марта «…выйдя рано утром из вагона, - показывал дворком, - я был поражен массою беспокойно гулявших по платформе офицеров разных частей. Из разговоров некоторых из них я узнал печальную весть о разграблении и сожжении дома моего тестя графа Фредерикса»[39].

После того, как Рузский в присутствии Воейкова доложил Николаю о своем ночном разговоре с Родзянко и о требовании последнего отречься от престола, главкосев вышел прогуляться на платформу вокзала, где стоял царский поезд. Николай велел коменданту сделать то же самое и переговорить с Рузским. Во время разговора с главкосевом, комендант услышал от него о том, какая судьбы ждет министров, которые проти-

[37]Падение царского режима. Т. V. М.:Л., 1926. С. 37; *Земляниченко М. А.* «Old gentleman» Фредерикс и император Николай II. Симферополь, 2011. С. 213.

[38]Падение царского режима. Т. III. Л., 1925. С. 78.

[39]*Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 232.

вятся новой власти и дал понять, что тех, кто ей будет сопротивляться, она подвергнет репрессиям, кто же примет переворот и перейдет на ее сторону, могут не беспокоиться о своем будущем. «Что же касается войск петроградского гарнизона, то Родзянко сказал, что они деморализованы, и на усмирение народа не пойдут, а офицеров своих перебьют. В случае же добровольного согласия на переворот Родзянко ручался, что никаких жертв не будет»[40]. То есть Главкосев действовал и кнутом и пряником.

Д.Н Дубенский в своих воспоминаниях писал: «Граф Фредерике узнал от генерала Рузского, что его дом сожгли, его жену, старую больную графиню, еле оттуда вытащили. Бедный старик был потрясен…»[41].

К сожалению, историограф не назвал времени, когда Фредерикс узнал от главкосева потрясшую его до глубины души новость. Но очевидно, это произошло 2 марта. Был ли главкосев первоисточником сведений министра двора сказать довольно сложно. Но это и не так важно. В любом случае не может быть никакого сомнения в том, что после прогулки Воейков не мог не рассказать обо всем, что услышал Фредериксу. Они жили в одном вагоне и даже, что называется, по долгу службы общались друг с другом теснейшим образом, выполняя свои непосредственные обязанности при государе. Совершенно невозможно допустить, что, узнав, пусть даже от самого Рузского, эту трагическую новость, касавшуюся его жены, дочери и зятя, Фредерикс не поделился трагическим известием с Воейковым, мужем своего любимого чада. В то же время было бы почти «служебным преступлением» утаить полученную весть и от царя. Ведь дело касалось его непосредственных приближенных. Причем не просто приближенных, но весьма и весьма близких к особе людей. Можно не сомневаться, от них и государь не мог не узнать, какие несчастья обрушились в столице на его доверенных лиц. И это в тот момент, когда помазанника уверяли, что его семье угрожает подобная же опасность. Можно представить, какое впечатление это должно было произвести на царя. Едва ли случайно то, что когда Воейков вернулся в царский вагон после разговора с Рузским на платформе, он был поражен изменением выражения лица монарха: «казалось, что он после громадных переживаний отдался и покорился своей судьбе»[42].

В 14. 30 после завтрака царь пригласил в свой вагон-салон Рузского вместе с начальником штаба Ю.Н. Даниловым и генералом С.С. Саввичем,

[40]Там же. С. 233–234.

[41]Отречение Николая II. С. 64.

[42]*Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 234.

главным начальником снабжений армий Северного фронта. Отметим, что все приглашения на прием к царю осуществлялись через министра двора. Согласно камер-фурьерскому журналу Фредерикс тоже присутствовал на этой встрече[43]. (Так же, как и на утреннем приеме Рузского находился Воейков). В этом нет ничего удивительного: во время «псковского сидения», оба стали едва ли ни главными советчиками Николая. По свидетельству Н.Д. Дубенского Фредерикс «часто бывал у государя и принимал самое близкое участие во всех явлениях этих страшных дней»[44]. Как правило, о присутствии Фредерикса на дневном приеме историки не упоминают, считая престарелого царедворца чисто ритуальной фигурой. Не будь камер-фурьерский журнал, не знали бы об этом и мы. Только историк царской армии Е.И. Мартынов «заметил» на дневном приеме у царя Фредерикса. По словам исследователя «последний, по старческому слабоумию, не совсем отдавал себе отчет в происходящем»[45].

Имел ли министр двора потрясенный вид, или же все-таки владел собой, мы не знаем, хотя Н.Д. Дубенский пишет о том, что весть о петроградском разгроме настолько потрясла министра двора, что не мог даже сидеть, и постоянно ходил по вагону[46]. Когда в ЧСК А.И. Гучкова спросили, как вел себя министр двора во время отречения, то посланец Думы ответил: «Что касается Фредерикса, то не знаю, отдавал ли он себе какой-нибудь отчет. Он человек больной, был взволнован известиями, что его дом сожгли, не знал, в каком положении его больная жена, дочь, был занят этим»[47]. Это и понятно. «Уже несколько дней, - свидетельствовал историограф, - все мы, и даже Его Величество, не знали, что собственно происходит в Царском Селе и в самом Петрограде, и насколько безопасна там жизнь наших семей и близких людей. Из слов Рузского о разгроме дома Фредерикса на Почтамтской улице видно было, что революционная толпа неистовствует в городе»[48]. Но что случилось с семьей министра двора, остались ли живы его жена и дочь, никто не знал.

Потенциальная опасность их гибели в будущем должна была подтолкнуть советников царя и самого Николая к тому, чтобы искать компро-

[43]КФЖ. С. 434.

[44]Русская летопись. Кн. III. Париж, 1922. С. 55.

[45]*Мартынов Е. И.* Царская армия в февральском перевороте. [Б. м.]. 1927. С. 154.

[46]Отречение Николая II. С. 64.

[47]Падение царского режима. Т. VI. С. 411, 412.

[48]Отречение Николая II. С. 62.

мисса с новой властью, то есть склониться на уступки. Следователи ЧСК верно уловили это изменение в политических позициях дворкома, когда пытались выяснить отношение Воейкова к революции по пути из Могилева в Псков[49].

В такой обстановке Николаю предстояло принять решение относительно требования Родзянко об отречении. По свидетельству Воейкова прием был очень «короткий»[50]. Данилов же назвал его «длительной беседой»[51].

В результате этой встречи царь принял решение согласиться на отречение. Хотя подчеркнем, согласие на отречение еще не есть самое отречение как таковое.

В ставшей уже классической схеме событий, приведших императора к абдикации, этому приему трех генералов отводиться центральное место.

Трое из присутствовавших оставили мемуарные свидетельства об этом судьбоносном приеме. В архиве Чрезвычайной следственной комиссии сохранилась краткая записка Н.В. Рузского о том, как Николай II изъявил согласие отречься от престола. Очевидно она оставлена по горячим следам произошедшего, когда Николай еще был самодержцем. Записка датирована: «Псков. 2 марта 1917 года». Судя по тону этого сочинения, император еще пребывал на престоле. Главкоскев пишет о царе, как и подобает верноподданному, с должным почтением. Называет монарха «Его Величество», употребляет обороты: «Изволили воззвать», «Изволили объявить». Пройдет всего несколько дней, когда у власти окажется Временное правительство, и Рузский, ставший героем дня, отбросит все этикеты и станет отзываться о бывшем царе с нескрываемым презрением, стараясь всячески дистанцироваться от него. Пока же этого еще не произошло, главкосев, видимо, сознавая историческую значимость момента, где он выступал персонажем, творящим историю, зафиксировал следующие. «После обеда Государь вызвал генералов Рузского, Данилова и Савича и объявил: как ему ни тяжко, но в данный момент для спасения родины-России, он решил отречься от престола в пользу своего сына. Регентом же назначает своего брата Михаила Александровича. На мой вопрос, кто же будет назначен верховным главнокомандующим, и не следует ли назначит великого князя Николая Николаевича, Государь-импе-

[49]Падение царского режима. Т. VI. С. 411, 412.

[50]*Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 234.

[51]КА. 1927. № 2(21). С. 77.

ратор согласился с этим»[52]. Как видим в этом документе подчеркивается добровольность решения императора отречься, но ни слова не говорится о том, что именно заставило его принять такое нелегкое решение. Эта краткая записка-автограф является единственным документом об обстоятельствах отречения, вышедшим непосредственно из-под пера самого С.Н. Вильчковским, бывшим смотрителем дворцовых зданий Царскосельского дворцового управления, директором Русского дома в Париже. С октября 1917 по сентябрь 1918 г., когда Рузский жил на Кавказе, он тесно общался Вильчковским и тот после убийства собеседника большевиками записал то, что слышал от него. Это обстоятельство необходимо постоянно иметь в виду при пользовании записями Вильчковского, потому что, очевидно, их главная цель состояла в том, чтобы снять с убиенного бывшего главкосева обвинение как главного виновника отречения Николая II и, следовательно, гибели монархии в России.

Согласно записи Вильчковского Рузский рассказывал ему следующее. Вечером и в начале ночи с 1 на 2 марта ему удалось убедить Николая дать ответственное министерство. Ни о каких известиях относительно столичного гарнизона и конвоя, полученных в первом часу ночи 2 марта, когда царь во втором часу, наконец-то согласился опубликовать манифест о даровании ответственного министерства, Рузский не упоминал в своем рассказе. Более того рассказчик особо подчеркивал, что у него не было никаких сведений о положении в Петрограде. «Рузский сожалел, что не мог перед докладом переговорить с кем-либо из свиты государя, чтобы узнать больше подробностей о происходящем в Петрограде, что из Ставки не было новых телеграмм: но попытка его перед обедом говорить с ген. Воейковым разбилась об насмешливый тон, который ген. Воейков принимал, когда не хотел высказываться, и Рузский понял, что, в эти важнейшие в его жизни минуты, он будет перед государем один со своей совестью. Из Ставки тоже молчали»[53]. Фраза примечательная. Она призвана подчеркнуть, что никаких известий из Петрограда не использовалось в качестве давления на царя и, следовательно, о переходе конвоя тоже. Но, как известно, оправдывается виноватый.

Ночные переговоры с Родзянкой Рузский представил Вильчковскому так, что получалось: главкосев был против отречения и надеялся его избежать. Родзянко же все пути назад были отрезаны. Поэтому он

[52]Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.:, Л., 1964. С. 147.

[53]Отречение Николая II. С. 149.

добивался отречения. Решение этого вопроса оказалось в руках Алексеева, которому была передана запись этого диалога. Изменивший присяге наштаверх стал добиваться абдикации. Утром, когда Рузский положил перед государем ленту с записью разговора с Родзянко, подали циркулярную телеграмму Алексеева главкомам. Государь спросил Рузского о его мнении. Главкосев попросил время на обдумывание. Поскольку Алексеев запросил главкомов, надо посмотреть, что они ответят. Царь согласился и отпустил его до завтрака, а сам отправился погулять по платформе. В два часа дня Государь снова потребовал Рузского к себе. Во время приема Рузского сопровождали генералы Данилов и Саввич. «Подробности этого доклада, очевидно, хорошо памятны этим обоим, единственным еще живым свидетелям трагической минуты», - рассказывал Рузский, но сам же эти важные подробности предпочел не излагать. Он ограничился тем, что сказал: «Государь принял окончательное решение, когда ознакомился с текстами телеграмм всех главнокомандующих; впрочем, еще перед завтраком, встретя Рузского на платформе, он высказал ему, что решил отречься. Государь взял блок с телеграфными бланками и написал несколько черновиков …Было три часа дня»[54].

Рузский вскользь упомянул, что уже к 14 часам дня 2 марта, когда, по его словам, началась встреча царя с тремя генералами, уже состоялся разговор Клембовского с Болдыревым[55]. Но ни слова, ни полслова об этом важном разговоре рассказчик не произнес. Между тем на записи этого разговора, приложенного к сочинению Вильчковского, была сделана пометка: «Доложено в 2 часа дня 2 марта»[56]. Из этой же пометки непреложно следовало: решению царя предшествовало сообщение о том, что его семья находится в смертельной опасности. Однако рассказчик не счел нужным сообщить, какое влияние на Николая оказало чтение этой записи. Создавалось впечатление, что никакого. Напротив, рассказчик особо подчеркнул, что «окончательное решение» Николай принял после чтения телеграммы М. В. Алексеева, содержавшей ответы главнокомандующих фронтами о необходимости отречения. Трудно было бы сказать яснее: во всем виноваты предатели-главкомы во главе с изменником наштаверхом. Эта мысль являлась лейтмотивом всего рассказа. Акценты в этом сочинении были расставлены предельно четко. Этого нельзя сказать о воспоминаниях С.С. Саввича. Он опубликовал свои воспоминания в 1919 г.,

[54]Там же.

[55]Там же. С. 159.

[56]Там же. С. 235.

вскоре после смерти Рузского. Желая реабилитировать своего бывшего начальника, Саввич пытался сделать это несколько иным способом, чем сам главкосев. Начальник снабжений утверждал, что запрос главкомов об отречении был сделан Рузским по приказу самого Николая, главкосев же являлся только «передаточным звеном», исполнявшим волю монарха[57]. Такая трактовка снимала ответственность с главкосева и в известной степени и с Алексеева, который согласно такой версии не являлся инициатором запроса главкомов. Но военноначальники в ответных телеграммах, выполняя приказ самого государя высказаться, «умоляли… исполнить предложения Родзянко». «В это время, - пишет Саввич, - были получены из Петрограда сведения о переходе на сторону нового правительства конвоя Е.В., гвардейского экипажа со стоящим во главе его вел. кн. Кириллом Владимировичем. Последний по собственной инициативе явился в Государственную Думу, где держал себя неподобающе»[58].

Во время приема царем трех генералов «Рузский предложил для прочтения полученные телеграммы», а затем заявил, что для спасения династии выход один: отречение его от престола в пользу наследника. Потом за отречение высказались вначале Данилов, а затем и сам Саввич. Оба сослались на позицию Думы. После минутного молчания Государь сказал: «Я решился. Я отказываюсь от престола», и перекрестился. Генералы тоже перекрестились. Государь ушел к себе в вагон, а в вагон-столовую вошел Воейков[59].

Нетрудно заметить, что Саввич упомянул о прочитанных Рузским телеграммах, которые сподвигли царя объявить о своем согласии на отречение, но мемуарист ни словом не обмолвился о том, какие именно депеши сыграли решающую роль. Здесь не говорится, что это были прежде всего телеграммы главкомов. Все три генерала говорят о позиции Государственной Думы, но никак не упоминают о мнениях главкомов фронтов. А голос генералитета в сложившихся условиях был бы для них важнейшим аргументом, на который они не упустили бы возможности сослаться прежде всего. Да и стал бы Николай выслушивать мнение по такому важнейшему для него вопросу какого- то там Саввича, которого он прежде лично и не знал, если бы у монарха уже были мнения генералитета?

[57]Отечество. 1919. 10 января.

[58]Там же.

[59]Отечество. 1919. 11 января.

Как видим, Саввич сделал телеграммы главкомов главным аргументом, заставившим Николая отречься. Чтение телеграмм с мнениями главкомов, к которым присоединился Рузский, а также Данилов и Саввич, решило дело. Но не только мнения главкомом заставили присутствующих одобрить позицию военноначальников. Известие о переходе конвоя и измена гвардейского экипаж сыграло свою роль и в решении Рузского с его подчиненными, и в решении царя. При этом Саввич не уточнил, что именно в большей степени оказало влияние: телеграммы главкомов или же известия из Петрограда.

Наконец, есть еще одно более позднее свидетельство третьего участника этой сцены: воспоминания Ю.Н. Данилова. Они были опубликованы в 1928 г.[60] Начальник штаба Северного фронта почти дословно повторил то, что описал С.С. Саввич. По всей видимости, наштасев был знаком с его воспоминаниями, к тому времени уже трижды изданными[61]. Но еще в большей степени он отталкивался от рассказов Рузского в трактовке Вильчковского, несомненно, ему хорошо известными. Поэтому Данилов ориентировался на версию Рузского, Она вполне реабилитировала и самого Данилова. Согласно ей наштасев был против отречения и надеялся, что государь ограничится ответственным министерством. Данилов построил свой текст так, что у читателя не оставалось никаких сомнений: резюмирующая мнения главкомов телеграмма Алексеева, именно она, а не что-либо иное, предопределила решение Николая отречься. Причем именно единодушие генералитета заставило Рузского (и самого Данилова тоже) оставить идею ответственного министерства, которой они были убежденными сторонниками, и высказаться в пользу первоначально чуждой им идеи отречения. Изменению же их позиции во многом способствовали пришедшие днем 2 марта вести из Петрограда о том, что даже личная охрана царя перешла на сторону новой власти, как об этом писал и Саввич.

Данилов рисует такую картину. Вечером 1 марта телеграмма Алексеева с требованием дать ответственное министерство побудила колеблющегося императора пойти на такой шаг. По словам мемуариста во время приема Рузского утром 2 марта главкосев представил царю телеграфную ленту своего ночного разговора с Родзянко. Во время чтения царем записи разговора в ходе утреннего приема Рузскому передали присланную

[60]Архив Русской революции. Т. XIX. Берлин, 1928. С. 225.

[61]Отечество. 1919. 10, 11, 12 января; Русская Лктопись. Кн. III. Париж, 1922. С. 205–208; Отречение Николая II. С. 195–197.

Даниловым циркулярную телеграмму Алексеева главкомам с предложением высказать царю свое мнение о неизбежности отречения. Она была отправлена из Пскова в 10. 15. Алексеев уже через полтора часа после окончания разговора Рузского с Председателем Думы взял курс на отречение царя.

«В виду такого направления вопроса, Государь, по совету Н. В. Рузского, согласился прежде принятия окончательного решения выждать получения соответственных ответов». «В утренние часы» в штабе Северного фронта получили еще целый «ряд весьма важных сообщений». Одно из них извещало о том, «что Собственный Его Величества Конвой, остававшийся в Петрограде, якобы последовал примеру других частей и являлся в Государственную Думу, прося через своих уполномоченных разрешения арестовать тех офицеров, которые отказывались принимать участие в восстании»[62].

Также поступило сведение, будто остававшийся в Петрограде великий князь Кирилл Владимирович выразил желание "вступить в переговоры с исполнительным комитетом".

Наконец получена была на имя Николая телеграмма Алексеева, «долженствовавшая иметь решающее значение». (выделено мною – М.С.) В ней «текстуально» передавалось содержание ответных ходатайств на имя царя главкомов. Все высказались за отречение как единственное средство довести войну до победного конца.

Во время доклада, начавшегося в 14.30, Рузский медленно докладывал о всех депешах, полученных «за последние часы». Когда же очередь дошла до суммирующей телеграммы Алексеева, главкосев «положил телеграфные листки на столе перед Государем и просил прочитать их лично»». Он дал царю достаточно времени «для внимательного ознакомления» с ее содержанием, а потом твердо и откровенно высказался «за то решение, которое вытекало из советов запрошенных лиц». То есть Рузский не сам по себе добивался отречения, но лишь присоединился к мнению генералитета. Вслед за ним то же сделали Данилов и Саввич. Примечательно, что Данилов, как и Рузский только «присоединился» к мнению, высказанному Председателем Государственной Думы и поддержанному «старшими начальниками действующей армии». В том же духе высказался и Саввич[63].

[62]Архив Русской революции. Т. XIX. С. 229.

[63]Там же. С. 231.

Каждое слово этого фрагмента мемуаров свидетеля отречения буквально вопиет: Алексеев и спровоцированные им главнокомандующие фронтов - главные виновники отречения. Не Рузский и Данилов, а главкомы. Их телеграммы – это последняя, но самая весомая капля, переполнившая чашу. Именно эти депеши заставили колеблющегося царя, а колебания помазанника мемуарист тщательно подчеркивает, решиться на отречение. Чего стоит фраза о телеграмме Алексеева: «долженствовавшая иметь решающее значение». Зачем же так подчеркивать, если и так ясно? Что же касается перехода конвоя, то Данилов пояснил: «Почти всех людей этого Конвоя Государь и вся Царская семья знали поименно; очень баловали их, почему переход этой части на сторону восставших должен был быть особо показательным, в смысле оценки настроений; самый же факт этот должен был быть, очевидно, весьма тягостным для Государя лично». То есть мемуарист хотел этим подчеркнуть: не страх за семью, оставшуюся без охраны, а личная обида на людей, которых члены ее даже «баловали», двигала царем, когда он принимал решение об отречении. Из- за этой обиды голос его даже стал «вибрировать», по-видимому, от горького воспоминания о только что прочитанном ему донесении, касавшемся казаков его конвоя».

И так главкомы?

Совершенно очевидно Рузский, желая впоследствии оправдаться, пытался представить себя жертвой Алексеева. С этой целью в своих рассказах С.Н. Вильчковскому, он датировал «суммирующую» депешу наштаверха временем получения 14. 30[64], тогда, как в это время она была только оправлена из Могилева. Никто из исследователей не заметил его подтасовки[65]. Хотя очевидно, что депеша, отправленная по ЮЗУ (Юз –

[64]Отречение Николая II. С. 235, 236.

[65]В столетний юбилей Великой российской революции Я. А. Гордин опубликовал в журнале «Звезда», в коем является соредактором, изобилующую фактическими ошибками курьезную статью К. А. Александрова «Русский генералитет и отречение императора Николая II от престола». (Характеристику «творчества» обоих «историков» см. подробно: *Рупасов А. И., Сафонов М. М.* Вокруг отречения Николая II. С. 281–282). Вызывающий улыбку дилентантизм автора проявляется, например, в том, что А. К. Александров, обращаясь к газете «Известия» за 1917 г., дает ссылку на американские архивы (?!), где также находятся номера российской газеты. Претендующий на научность автор задался предвзятой целью, которая не может не вызвать удивления у серьезных ученых, доказать, что русский генералитет не несет никакой ответственности (?!) за отречение Николая II. Во всем же виноват сам царь и его свита. Царскому окружению достается

это усовершенствованный инженером Д. Юзом телеграфный аппарат) из Могилева в 14.30[66], никак не могла быть получена в Пскове в это же время. Если взять телеграмму Ю.Н. Данилова, отправленную из Пскова в Ставку 3 марта в 0.28, о том что «манифест подписан», она достигла Пскова

больше всего. «Удивляет упорное нежелание царя между полуднем и двумя часами пополудни посоветоваться с чинами Свиты, - обличает К. А. Александров, - казалось бы, самыми близкими и доверенными ему людьми: Николай II мог бы задать им те же самые вопросы о целесообразности отречения и народной реакции. Однако свитские вели себя никчемно, несмотря на свои генеральские и штаб-офицерские чины. Они лишь бестолково суетились и толкались из вагона в вагон, показав свою полную бесплодность в качестве лиц из ближайшего окружения императора. Никто из свитских не предложил царю действовать или сопротивляться. Так вели себя «пустые, эгоистичные в большинстве люди». К сожалению, необходимо признать, что такими персонажами себя окружил сам государь, который в одиночестве провел несколько часов после ухода Главкосева. ...В решающие часы для своей многолетней государственной деятельности царь не нашел никого из свитских, к кому бы смог обратиться за советом и поддержкой» (Александров К. А. Русский генералитет и отречение императора Николая II от престола // Звезда. 2017. № 12. С. 132–133). Александров довольно смутно представлял, что в действительности происходило в Пскове во время абдикации царя, потому что наивно доверился свидетельствам заинтересованных в оправдании лиц. «Исследователь» слепо поверил утверждениям Н. В. Рузского, будто бы телеграмма М. В. Алексеева, суммирующая мнения главкомов, была получена в Пскове еще до того, как главкосев отправился на дневной прием к царю, начавшийся в 14.30. Поскольку же из подлинной телеграммы, отправленной из Могилева, неоспоримо следовало, что она была только послана в Псков в 14.30, «профессиональный» историк решил проблему согласно своим обычным «исследовательским» методам: «время приема (?!) телеграммы было проставлено позднее постфактум». (Там же. С. 142). Действуя таким образом, можно доказать все, что угодно. Вызывает удивление, как Я. А. Гордин может публиковать на страницах своего некогда авторитетного (до того, как он стал его соредактором) журнала, сочинения такого уровня. Видимо Я. А. Гордин, сам пускающийся время от времени в «исторические исследования», не понимает такой простейшей вещи: наличие сносок в тексте и присутствие в нем ссылок на архивы (американские!) еще не делает сочинение самодейтельного автора научным исследованием. По-видимому, соредактору «Звезды» не следует полагаться на собственные силы, а привлекать к рецензированию предназначенных для публикации текстов профессиональных историков, как это обычно делают уважающие себя редакторы «толстых журналов». Тогда не придется требовать обязательной подписки на их издания сельских школ и библиотек.

[66]КА. 1927. № 2 (21). С. 72.

через 12 минут[67]. А в ней было всего три строки. Суммирующая депеша Алексеева насчитывала 60 строк. (Подсчет производился по публикации «Красного архива, имелись ввиду типографские строки)[68]. Такая длинная или, как бы сказали сейчас, «тяжелая» депеша не могла дойти и быть предъявлена царю Рузским в 14.30. Во- первых. Как бы быстро она ни «шла», ее следовала вначале расшифровать, а затем доставить из штаба Северного фронта, который находился в городе, до вокзала, где стоял поезд главкосева. Есть точные сведения, что ЮЗ находился в городе. Хотя штабисты располагали автомобилем[69], но все равно послание Алексеева никак не могло оказаться на столе императора, когда он стал принимать указанных лиц вместе с Фридериксом в 14.30.

Очевидно, в первой половине дня 2 марта Рузский должен был доложить ночную депешу В.Н. Клембовского В.Г. Болдыреву, сообщившего о прибытии собственного конвоя Его Величества в Государственную Думу. Главкосев обязан был сообщить царю и запись утреннего разговора А.С. Лукомского с Ю.Н. Даниловым, призывающего его обязательно использовать решающий аргумент о неизбежной гибели императорской семьи в том случае, если Николай откажется отречься. Можно не сомневаться, что наказы Клембовского и Лукомского, идущие от самого наштаверха, были исполнены. Если не во время первого утреннего доклада Рузского в 10.15 в присутствии Воейкова, то уж обязательно в течение второго, начавшегося в 14.30, в присутствии Фредерикса. Министр же двора служил наглядным примером того, что может случиться, причем дальнейшей судьбы членов его семьи после погрома на Почтамтской, как отмечалось выше, еще никто не знал. Великому князю Андрею Владимировичу Рузский в июне 1917 г. рассказывал о том, что решающим аргументом, побудившим царя согласиться на отречение, было сообщение о том, что «весь гарнизон перешел во власть Временного правительства»[70].

2 марта Николай записал в своем дневнике: «Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что либо сделать, так как с ним борется социал демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К

[67]КА. 1927. № 3 (22). С. 15.

[68]КА. 1927. № 2 (21). С. 72–73.

[69]Архив русской революции. Т. XIX. С. 223.

[70]КА. 1928. № 1 (36). С. 204.

2 1/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии, нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена и трусость, и обман!»[71].

Эта запись долго вводила и до сих вводит в заблуждение исследователей отречения. Она была известна Ю.Н. Данилову, он даже полемизировал с ней в своих мемуарах[72]. Скорее всего, знали о ней и те мемуаристы, которые пытался убедить читателя в том, что мнения Ставки и главкомов сыграли роль решающую. Если сам царь утверждает это, то чего же вам больше?

Как это ни покажется странным, никто из исследователей даже не пытался проанализировать эту дневниковую запись царя, постараться выяснить, насколько верно она отражает то, что произошло в действительности. Первое что бросается в глаза, это то, что Николай, покинувший Псков «с тяжелым чувством пережитого», допустил в этой записи две хронологические ошибки. Он уехал из Пскова не в1час ночи, как гласит его дневник, а на час позже, в два часа ночи[73]. Никак не мог царь получить телеграмму Алексеева с ответами главкомов в «2 ½» часа дня, по той простой причине, что в это время ее только отправили из Могилева в Псков. Очевидно «все смешалось в доме Облонских». Эти ошибки нетрудно объяснить тем, что в тот момент, когда рука императора выводила эти строки, он пребывал в состоянии «грогги». Позже он рассказывал П.К. Бенкендорфу о том, что после того дня он еще две-три недели отходил, а в тот момент в Пскове находился «как бы в забытьи, тумане»[74].

Мы не знаем точно, когда Николай сделал эту запись в дневнике. Ночью 3-го марта или постфактом. Надо принять во внимание, что предыдущую ночь с 1-го на 2 марта Николай почти не спал. Он долго гово-

[71]Отречение Николая II. С. 32.

[72]Архив русской революции. Т. XIX. С. 234. К моменту публикации мемуаров Ю. Н. Данилова запись дневника царя от 2 марта была уже обнародована трижды (Правда. 1918. 10 августа; Известия ВЦИК. 1918. 10 августа; КА. 1927. № 1 (20). С. 136–137; *Додонов Б. Ф., Копылов О. Н., Мироненко С. В.* Из истории публикаций царской семьи в 1918–1920 гг. // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 6.

[73]КФЖ. С. 435; Звезда. 2002. № 10. С. 187.

[74]Отречение Николая II. С/ 67–68/

рил с Фредериксом, Воейковым, лейб-хирургом С.П. Федоровым о Царском Селе и о своей семье[75]. Ведь Рузский, как помним, передал ему слух об измене охраны царской резиденции. Вначале шестого утра царь распоряжался об отправке телеграммы Алексееву с разрешением опубликовать манифест об ответственном министерстве, а 10. 15 уже принимал доклад Рузского о переговорах с Родзянко. Д.Н. Дубенский в своих воспоминаниях сохранил рассказ камердинера Николая о том, как император провел ночь с 1 на 2 марта. «Его Величество всегда молятся у своей кровати, подолгу стоят на коленях, целуют все образки, что висят у них над головой, а тут и совсем продолжительно молились. Портрет наследника взяли и целовали его и, надо полагать, много слез в ту ночь пролили. Я заметил все это». « Сам рассказчик, пишет Дубенский, был совершенно расстроен, слезы капали у него по щекам»[76]. Показательно, что в сборнике воспоминаний очевидцев отречения, опубликованном под редакцией П.Е. Щеголева в 1927 г., этот фрагмент воспоминаний историографа был опущен. По понятным причинам. А.А. Мордвинов вспоминал, что утром 2 марта Николай «был бледен, и, как казалось, очень плохо спал»[77].

Поразительно, в предыдущей дневниковой записи о событиях 1 марта нет ни слова о том, что Николай спустя столько лет после упорнейшего сопротивления, наконец, дал согласие на введение ответственного министерства. Но об этом важнейшем событии его царствования в дневнике не упоминается вовсе. Все только о семье. Напротив же, в следующей записи 2 марта о семье нет ни единого упоминания. Лишь о политике. Это может показаться более чем странным, если эту запись не читать в совокупности с предыдущей. Воспринимать как ее продолжение: «Доехать до Царского Села не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс, должно быть, тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!»[78].

Царь запомнил только последовательность событий 2 марта: утром доклад Рузского о разговоре с Родзянкой, днем чтение текста телеграмм главкомов, опять же Рузским. О присутствии Данилова и Саввича при этом чтении ничего не говориться. Упоминается только главкосев. При этом надо принять во внимание: из записи вовсе не следует, что царь признает весомость аргументов Родзянко в интерпретации Рузского. Поэто-

[75]Там же. С. 61.

[76]РС. Р. 57.

[77]Отречение Николая II. С. 104.

[78]Там же. С. 32.

му было бы неправильно на основании этих строк заключить, как это обычно делают исследователи, что Николай дал согласие на отречение «во имя спасения Родины и удержания армии на фронте в спокойствии». Царь излагает в дневнике только мнение генералитета, побуждавшего его решиться на этот шаг. Но из записи вовсе не следует, что монарх это мнение считал правильным и разделял его. Да, он согласился, но по каким именно причинам, царь умолчал. То же следует сказать и об утреннем докладе главкосева. Употребив слово «будто», автор дневника подчеркнул тем самым, что это только точка Родзянко или самого Рузского. Оно отражает сомнение монарха в том, что это в действительности именно так. Из записи не следует, что царь признает такую интерпретацию событий верной и принимает ее. Неужели же и в правду следует допустить, что Николай мог поверить в то, что его отречение даст возможность «министерству из Думы противостоять «социал-демократической партия в лице рабочего комитета»? Здесь уместно будет вспомнить о том, что почти в это же время Алекс писала мужу из Царского Села о том, что «Два течения – Дума и революция – две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы»[79]. То есть противоборство Думы и Совета даст царю шанс вернуть упущенную власть. Можно подписать любой документ, который требуют, но исполнять обещанное необязательно, потому что согласие дано не по доброй воле, а по принуждению. «Мы в совершенстве знаем друг друга, нам не нужно слов», - писал Аликс мужу на следующий день, тем самым подчеркивая, что они оба мыслят совершенно одинаково. Александра Федоровна была абсолютно права. Ее муж не только мыслил, но и поступал точно так же. Согласие объявить об отречении означало для него не отказ от власти, а способ сохранить жизнь любимой жене и обожаемым детям. Но писать об этом сокровенном замысле, подвергая его опасности быть раньше времени раскрытым, он не желал. Для царя было более чем достаточно, что он сам о нем знал. Нет ничего удивительного в том, что два дня спустя во время встречи со своей матерью вдовствующей императрицей Марией Федоровной в Могилеве он не был вполне откровенен с ней и низачто не хотел признаться родительнице об истинных мотивов своего поступка. Как было поведать матушке, отношения которой с невесткой были, мягко говоря, не идеальными, чтобы не сказать больше, что ради спасения любимой женщины и детей, он согласился отказаться от власти! Судя по дневнику Марии Федоровны (если она только правильно записала и ничего не

[79]Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. М.: Л., 1927. С. 232.

перепутала) сын ей сказал, что отрекся в пользу брата Михаила потому, что «все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое» (?!)[80]. Какая же тут откровенность? Ничего подобного главнокомандующие не требовали. Очевидно, и матери, и даже собственному дневнику Николай не хотел открывать истинные причины своего поступка. Никто не должен был знать о том, что когда он выслушивал предложение об отречении, мысли его были по-прежнему в Царском Селе. Так же, как это имело место и накануне, когда он дал согласие на публикацию манифеста об ответственном министерстве, равно как и во время ночных бесед с Фредериксом, Воейковым, Федоровым. Или когда, стоя на коленях перед иконами, целовал портрет цесаревича. Ведь в первой половине дня 2 марта царь узнал, что «бедная Аликс» и их дети стали заложниками новой власти. И спасать нужно прежде всего их. А способ спасения один: объявить о своей готовности отречься. Не надо думать, что мнение главкомов В.В.Сахарова или А.Е. Эверта, которые только под давлением Алексеева, скрепя сердце, высказались по более, чем щекотливому вопросу, могущему повлечь за собой закат их служебной карьеры, было так важно для Николая. Он ведь их не спрашивал и вовсе не считал нужным это делать. Не зря же флигель- адъютант А.А. Мордвинов, узнав о том, что свое решение отречься государь мотивировал так: «Раз войска этого хотят, то не хочу никому мешать», недоумевал, как это можно было сделать только на основании мнения генералов, без того, чтобы желание войск «было ясно и категорически выражено». Такие же эмоции испытывал и историограф Д.Н. Дубенский: «Как же это так вдруг отречься, не спросив войска, страну…»[81]. Такова были и реакция свиты: «Отречься так внезапно, здесь в вагоне и перед кем и отчего…?»[82].

Примечательно, Мордвинов был уверен: решение об отречении возникло у Николая еще до того, как он получил «вердикт» Алексеева с изложением мнений главкомов. Флигель-адъютант полагал, что эта мысль родилась у государя, после того, как поезд императора не смог попасть в Царское Село, где находилась его семья[83].

---

[80]ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1297. Л. 131–135. Цит. по: *Кудрина Ю. В.* «...Ужасно думать, что это только начало». Война глазами вдовствующей императрицы Марии Федоровны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 452.

[81]Отречение Николая II. С/ 106, 110–111.

[82]Там же. С. 106.

[83]Отречение Николая II. С. 119.

Разумеется, в тот день 2 марта Рузский докладывал царю о телеграммах главкомов и наштаверха. Просто не мог не доложить. Но когда это было? Николай не упоминает о присутствии при этом Саввича и Данилова, потому, что их там и не было. Прием трех генералов, судя по свидетельству А.Н. Воейкова, был «очень коротким», а потом Рузский и Николай из вагона-салона, перешли в вагон царя[84]. Видимо, именно там, с глаза на глаз, главкосев доложил царю о «резюмирующей» телеграмме Алексеева. Но это могло произойти не ранее четвертого часа дня, когда эта депеша уже была доставлена на псковский вокзал из штаба. На так называемом «акте отречения» стоит проставленная задним числом дата «15 часов», время, когда Николай объявил о своей готовности отречься. Но в это время «долженствующей иметь решающее значение» телеграммы Алексеева с мнениями главкомов у царя еще не было. В то же время ясно, что эти депеши были доложены Рузским не позже в 16.30. В Могилеве настоятельно требовали, чтобы из Пскова немедленно сообщили о результатах доклада главкосева. Но только в 16.30 Данилов отправил в Ставку телеграмму: «Государь император в длительной беседе с … Рузским, в присутствии моем и …Савича, выразил, что нет той жертвы, которой его величество не принес бы для истинного блага родины. Телеграммы ваши и главнокомандующих были все доложены»[85].

Воейков, дважды отвечая в ЧСК на вопрос об обстоятельствах отречения, назвал две разные даты: 3 часа дня[86] и 4 часа дня[87]. Ссылаясь на забывчивость, дворком отказался назвать лиц, которые при этом присутствовали. Он явно не хотел, чтобы следователи могли его проверить, допросив этих лиц.

Чрезвычайно интересно, как бывший в курсе всех абдикационных дел В.Н. Воейков в своих мемуарах пытался скрыть тот факт, что, угроза семье Николая сыграла важнейшую роль в решении царя объявить о своей готовности отречься. Дворком не мог не упомянуть о том, что императору было доложено о переходе царскосельского гарнизона на сторону революции и об измене собственного конвоя. Но мемуарист писал, что Рузский доложил об этом царю во время третьего приема царем[88]. Этот

[84] *Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 234.
[85] КА. 1927. Т. 2 (21). С. 77.
[86] Падение царского режима. Т. III. С. 69.
[87] Там же. С. 77.
[88] *Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 241–242.

прием имел место в 16.30[89]. Из его слов читатель должен был заключить: опасность, угрожавшая царской семье, не играла и не могла играть решающей роли в отречении. Вообще же в своих воспоминаниях Воейков, по возможности, всячески старался избегать темы угрозы императорской семье. Он даже не упомянул о совещании 27 февраля в Могилеве, описанном Мордвиновым. Совещании, на котором в присутствии министра двора и дворкома, а также Алексеева было принято судьбоносное решение покинуть Ставку досрочно. Это выглядит более чем подозрительно

В отречении виноваты главкомы во главе с Алексеевым. И только они. Ни в одних мемуаров нельзя встретить столько филиппик в адрес изменников-главкомов, столь категорического обвинения их в предварительном сговоре.

По его словам эти телеграммы «подтверждают объединение генералом Алексеевым людей, поставленных государем во главе армий и флотов, и указывают на то, что главнокомандующие были между собою в предварительном согласии»[90]. Они «оказались теми людьми, - беспощадно клеймил Воейков заговорщиков, - которые, изменив военной чести и долгу присяги, поставили царя в необходимость отречься от престола: решив примкнуть к активным работникам Государственной думы, трудившимся над ниспровержением существовавшего в нашем Отечестве строя, они своим предательством лишили царя одного из главных устоев всероссийского трона. ... Иуда предал Христа и покаялся — вернул тридцать сребреников; а наши генералы и адмиралы предали царя, и не покаялись»[91].

Воейков утверждал, что утром 2 марта, когда он по поручению Николая гулял по платформе вместе с Рузским, главкосев ему заявил, «что сейчас единственный выход — отречение государя, с каковым мнением согласны и все главнокомандующие войсками и командующие флотами»[92]. Утром 2 марта Рузский не мог еще знать мнений главкомов и тем более командующих флотов. Более чем подозрительно выглядит описанная Воейковым ситуация, когда он узнал из слов Фредирикса об абдикации. По словам мемуариста члены свиты опасались, как бы эта «лиса» Рузский не склонил царя к отречению. Когда же вернувшийся от Николая Фредерикс сказал им: «Да это уже сделано»,это известие «как громом

[89]КФЖ. С. 434.

[90]*Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 244.

[91]Там же. С. 240.

[92]Там же. С. 234.

поразило» Воейкова, так как он из разговора с государем «совершенно не мог вывести заключения, что подобное решение уже созрело в помыслах Его Величества»[93]. Совершенно очевидно: удивление мемуариста наигранное. Дворком и его тесть, а присутствие первого на утреннем приеме, а второго на дневном, как уже отмечалось, зафиксировано камер-фурьерским журналом, не могли быть не в курсе обсуждавшегося нам вопроса. По свидетельству Мордвинова из всей царской свиты только «дворком и министр двора были более или менее осведомлены о переговорах Рузского и о последних телеграммах, посланных через Рузского и… Алексеева от командующих фронтами»[94]. Поэтому удивление Воейкова фальшивое.

Зачем же оно понадобилось мемуаристу? Для того, чтобы убедить читателей: он не имеет никакого отношения к тому, что император объявил о готовности отречься. Так же Воейков вел себя и в ЧСК: он якобы совершенно не причастен к этому событию. На допросе дворком заявлял, что всегда «был немножко в стороне» от политических дел[95]. Воейков не признавал свое участие в обсуждении телеграммы об ответственном министерстве. Отрицал, что участвовал вместе со своим тестем в совещании 27 февраля, в результате которого было принято досрочно покинуть Ставку и направиться в Царское Село спасать императорскую семью[96]. Что же касается собственно отречения, то дворком категорически заявил: «Моего участия в этом не было»[97]. Он сообщил: 2 марта в «три часа дня государь сказал мне и еще некоторым лицам (нас было несколько человек), что решил отречься от престола вследствие телеграммы, которую докладывал Рузский». Первую телеграмму он получил от вел. кн. Николая Николаевича. Государь сказал, что получил семь телеграмм и решил отречься[98]. Спрошенный следователем об этом вторично Воейков лишь упомянул факт утреннего доклада Рузского 2 марта. Относительного дневного доклада главкосева дворком заявил, что Рузский сообщил царю телеграммы Алексеева, «от всех главкомов», включая командира Балтийского флота, то есть вице-адмирала А.И. Непенина, который в действительности высказался лишь вечером в 20.40[99]. Результатом пере-

[93]Там же. С. 235.

[94]Отречение Николая II. С. 109.

[95]Падение царского режима. Т. III. С. 69.

[96]Там же. С. 71, 72.

[97]Там же. С. 77.

[98]Там же. С. 69.

[99]КА. 1927. Т. 3 (22). С. 13.

говоров с Рузским, резюмировал Воейков, «было то, что государь около 4 ч дня сказал мне: “Я решил отречься от престола”»[100]. Ранее дворком утверждал, что это произошло на час раньше: в 3 часа дня. Он якобы не помнил, кто при этом присутствовал. Создается впечатление, что Воейков просто, как говорится, «валял Ваньку».

Когда же дворком писал свои мемуары, то он предельно ясно обозначил свою позицию. Его воспоминания тем и интересны, потому что, анализируя, вымыслы мемуариста, можно понять, то именно он пытается скрыть от читателя. Создается впечатление, что всячески усугубляя «вину» главкомов, мемуарист старался снять себя ответственность за то, что он сам и его тесть подталкивали царя к тому пути, по которому пошел государь. Еще в ЧСК следователи заметили, что выезжая из Ставки, Воейков был непримиримым противником соглашения с новой властью. Но в конце путешествия из Могилева в Псков дворком превратился в сторонника компромисса с ней[101]. Впрочем, как и другие члены царской свиты, как например, Д.Н. Дубенский, что тонко подметил Ю.Н. Данилов в своих мемуарах[102]. «Лучше отречься, чем проливать кровь», - так обозначил Воейков свою позицию перед следователями ЧСК[103].

Желая спасти свои семьи, они утрировали опасность, угрожавшую императорской фамилии. Тем более, что эта угроза, в действительности, как выяснилось в последствии оказалась блефом лидеров рвущейся к власти оппозиции.

О том, что переход собственного Е.И. В. конвоя на сторону революции, являлся козырем оппозиционеров в борьбе за отречение царя, ярко свидетельствует заключительный эпизод этой эпопеи, связанный с пребыванием А.И. Гучкова и В.В. Шульгина в вагоне-салоне Николая вечером 2 марта. В показаниях Гучкова в ЧСК упоминается о том, что во время беседы с царем об отречении бывший председатель Думы сообщил о переходе конвоя и о том, что он сам стал свидетелем того, как это произошло в Таврическом дворце[104]. Надеяться императору больше не на что, заключил Гучков, ему остается только одно - отречься. Создается впечатление, что ложный тезис о собственном конвое являлся каким-то затасканным тузом, который шулера каждый раз вынимали из колоды,

[100]Там же. С. 78.

[101]Падение царского режима. Т. VI. С. 411.

[102]Архив Русской революции. Т. XIX. С. 224.

[103]Падение царского режима. Т. III. С. 78.

[104]Падение царского режима. Т. VI. С. 264.

когда надо было одержать очередную победу в игре с императором. Ведь совершенно ясно, что если тезис о конвое уже сработал ночью с 1-го на 2-е марта в виде слуха, в середине дня 2-го марта, как неопровержимый факт, то новое упоминание о нем никак не могло произвести на царя того впечатления, о котором так красочно повествовал Гучков. Именно повествовал, а не свидетельствовал. Объяснение простое. Гучкову было прекрасно известно о том, как эта ложь сломала царя в середине дня. Поэтому посланец Думы, для пущей достоверности и убедительности, решил еще раз воспользоваться этой выдумкой несколько месяцев спустя, чтобы объяснить следователю, как он убедил императора отречься. Примечательно другое. Оказавшись в царском вагоне, Гучков и Шульгин имели контакты с Фредериксом и Воейковым[105]. Гучков утверждал в ЧСК, что не разговаривал с Воейковым. Он лишь спросил относительно своей жены и сгоревшего дома. Сам же дворком в ЧСК свидетельствовал: он стремился узнать у посланца из Петрограда подробности погрома. «Лично хотел ознакомиться, не случилось ли кого-нибудь несчастья с семьей»[106]. В последствии В.В. Шульгин утверждал, что Фредерикс «был очень огорчен, узнав, что его дом в Петрограде горит. Он беспокоился о баронессе (в действительности графине - МС). Но мы сказали, что баронесса в безопасности»[107]. Картина получилась почти идиллическая. Однако свидетель этой сцены Мордвинов совсем по-иному описал ее. По его словам «бедный старик, волнуясь за свою семью, спросил, здороваясь, Гучкова, что делается в Петрограде и тот “успокоил” его самым жестоким образом: “В Петрограде стало спокойнее, граф, но ваш дом на Почтамтской совершенно разгромлен, а что стало с вашей семьей – неизвестно”»[108]. Когда же дело было сделано, Гучков и Шульгин «с актом отречения» на руках постарались успокоить Фредерикса и говорили ему, что «Временное правительство возьмет на себя заботы о том, чтобы этому достойному старцу не было сделано никакого зла»[109]. Воейков же вспоминал: он зашел в вагон-салон, чтобы поздороваться с депутатами и от них узнать подробности разгрома и сожжения дома графа Фредерикса. «Я знал, пишет дворком, что графиня Фредерикс, мать моей жены, была при смерти и что моя жена ее не покидала. Гучков ответил мне чрезвычайно

[105]Там же. С. 275.
[106]Падение царского режима. Т. III. С. 78.
[107]Отречение Николая II. С. 182.
[108]Там же. С 114.
[109]Там же. С. 117.

спокойно, что народный гнев вылился в форму разгрома дома, но что, по его сведениям, насилий над личностями учинено не было, а потому мне беспокоится нечего: вопрос касается только имущества. Я его просил по возвращении в Петроград уведомить меня телеграммой о семье, так как не мог войти с ними в связь, что он обещал, но не исполнил»[110].

В этом нетрудно увидеть некое зеркальное отражение событий середины дня 2 марта. Воейков узнает от некоего офицера о разгроме фредериксова жилища, но ничего не знает о дальнейшей судьбе домочадцев. Это происходит буквально накануне совещания, когда будет решаться вопрос об отречении царя. Естественно и Фредерикс, и Воейков будут заинтересованы в том, чтобы найти компромисс с новой властью. Если хотят видеть свои семьи живыми. То же происходит и накануне решающего момента. Только вместо безвестного офицера – посланцы новой власти. Они не угрожают, но заверяют, что новая власть их защитит. Не хватает только слов: «Если они будут вести себя, как надо». Не правда ли ловко сработано?

Когда Гучков вместе с Шульгиным покинули вагон царя, они поспешили дать телеграмму и.д. начальника Главного штаба П. И. Аверьянову для передачи М. В. Родзянко. В ней говорилось о том. что Николай дал согласие на отречение в пользу Михаила. Манифест же с сообщением об этом «последует немедленно». На втором сохранившемся экземпляре этой депеши, написанной карандашом, видимо, Гучковым, есть зачеркнутая надпись: «Сообщите немедленно положение семьи графа Фредерикса»[111]. То есть, перед тем, как оформлять акт отречения, который должен был скрепить министр двора, посланцы новой власти предполагали воздействовать на него свежими известиями из столицы о положении его семьи. В 0:55, когда абдикационный документ еще не был готов, Клембовский отправил в Псков телеграмму: «Из Царского Села по телефону передают, что генерал Гротен, полковник Путятин, полковник Герарди и полковник Терехов арестованы в ратуше. Сообщаю для сведения»[112]..

Перечисленные лица – чиновники, отвечающие за безопасность царскосельской резиденции. Другими словами, когда было надо поставить последнюю точку в изготовлении «акта отречения», помощник начальника штаба Ставки еще раз напомнил, что раз арестованы самые важные лица дворцовой администрации, защищать семью Николая II больше некому! Так

[110] *Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 245–246.

[111] КА. 1927. № 3 (22). С. 15–16.

[112] Там же. С. 15.

что делайте выводы. В этой связи возникает подозрение, не была ли «атака» на дом Фредерикса, предпринятая гвардейской частью, заранее спланированной акцией, имевшее целью запугать царя и заставить его пойти на уступки? Прямых доказательств этого нет. Но важно поставить этот вопрос. Возможно, дальнейшие исследования позволят ответить на него. Пока же подозрение падает на Гучкова, сумевшего заполучить подпись Фредерикса на так называемом «акте отречения». Но это уже отдельный сюжет.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Aleksandrov K.A. Russkij generalitet i otrechenie imperatora Nikolaya II ot prestola [Russian generalitat and the abdication of Emperor Nicholas II from the throne], in *Zvezda [Star]*. 2017. № 12. S. 117-143.

Александров К.А. Русский генералитет и отречение императора Николая II от престола // Звезда . 2017. № 12. С. 117-143.

Arhiv Russkoj revolyucii. [Archive of the Russian Revolution]. T. XIX. Berlin: Slovo, 1928. 283 s.

Архив Русской революции. Т. XIX. Берлин: Слово, 1928. 283 с.

Benkendorff P. *Last days at Tsarskoe Celo*. London: William Heinemann Limited, 1927.166 p.

Blok. A. *Poslednie dni imperatorskoj vlasti. [The last days of the imperial power]*. Petrograd: Alkonost, 1921. 168 s.

Блок. А. Последние дни императорской власти. Петроград: Алконост, 1921. 168 с.

Dodonov B.F., Kopylov O.N., Mironenko S.V. Iz istorii publikacij dokumentov carskoj sem'i v 1918-1920 gg. [From the history of publications of documents of the royal family in 1918-1920]. in *Otechestvennye arhivy [Domsetic archives]*. 2007. № 1. S. 3-18.

Додонов Б.Ф., *Копылов О.Н., Мироненко С.В.* Из истории публикаций документов царской семьи в 1918-1920 гг. // Отечественные архивы. 2007. № 1. С. 3-18.

Issledovaniya po otechestvennomu istochnikovedeniyu. Sbornik statej, posvyashchennyh 75-letiyu professora S.N. Valka. [Research on domestic source studies. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Professor S. N. Valk.]. Moskva: Leningrad: Nauka, 1964. 519 s.

Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященных 75-летию профессора С.Н. Валка. Москва: Ленинград: Наука, 1964. 519 с.

Izvestiya VCIK. [Izvestiya VTSIK]. 1918. 10 avgusta.

Известия ВЦИК. 1918. 10 августа.

Kamer-fur'erskiie zhurnaly. 1916-1917. [Camera-Fourier magazines. 1916-1917] Sankt-Peterburg: D.A.R. K., 2014. 1086 s.

Камер-фурьерскиие журналы. 1916-1917. Санкт-Петербург: Д.А.Р. К., 2014. 1086 с.

Krasnyj arhiv [Red Archive]. 1927. № 1 (20).

Красный архив. 1927. № 1 (20).

Krasnyj arhiv [Red Archive]. 1921. № 2 (21).

Красный архив. 1921. № 2 (21).

Krasnyj arhiv [Red Archive]. 1927. № 3 (22).

Красный архив..1927. № 3 (22).

Krasnyj arhiv [Red Archive]. 1928. № 1(26).

Красный архив. 1928. № 1(26).

Krasnyj arhiv [Red Archive]. 1931. № 6 (49).

Красный архив. 1931. № 6 (49).

Kudrina YU.V. «...Uzhasno dumat', chto eto tol'ko nachalo» Vojna glazami vdovstvuyushchej imperatricy Marii Fedorovny[."...It is terrible to think that this is only the beginning of " The War through the eyes of the Dowager Empress Maria Feodorovna], in *Pervaya mirovaya vojna. Prolog HKH veka [The First World War. Prologue of the twentieth century]*. Moskva: Nauka, 1998. S.448-463.

Кудрина Ю.В. «...Ужасно думать, что это только начало» Война глазами вдовствующей императрицы Марии Федоровны // Первая мировая война. Пролог XX века. Москва: Наука, 1998. С.448-463.

Martynov E.I. *Carskaya armiya v fevral'skom perevorote. [The Tsarist army in the February coup]*. [B. m.]: Izdanie Voennoj tipografii, 1927. 212 s.

Мартынов Е.И. Царская армия в февральском перевороте. [Б. м.]: Издание Военной типографии, 1927. 212 с.

Otechestvo [Fatherland]. 1919. 10, 11, 12 yanvarya.

Отечество. 1919. 10, 11, 12 января.

Otrechenie Nikolaya II. Vospominaniya ochevidcev, dokumenty [The abdication of Nicholas II. Memoirs of eyewitnesses, documents]. 2 izdanie. Leninrgrad: Krasnaya gazeta, 1927. 248 s.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. 2 издание. Ленинрград: Красная газета, 1927. 248 с.

Padenie carskogo rezhima [The fall of the tsarist regime]. T. III. Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. 506 s.

Падение царского режима. Т. III. Ленинград: Государственное издательство,1925. 506 с.

Padenie carskogo rezhima [The fall of the tsarist regime]. T. T. V. Moskva:Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. 473 s.

Падение царского режима. Т. Т. V. Москва:Ленинград: Государственное издательство,1926. 473 с.

Padenie carskogo rezhima. [The fall of the tsarist regime]. T. VI. Moskva: Leningrad.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1926. 415 s.

Падение царского режима. Т. VI. Москва: Ленинград.: Государственное издательство, 1926. 415 с.

Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovyh [Correspondence of Nikolai and Alexandra Romanov]. T. V. Moskva:Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo ,1927. 327 s.

Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. Москва: Ленинград: Государственное издательство,1927. 327 с.

Pervaya mirovaya vojna i konec rossijskoj imperii. V 3-h tomah. *Fevral'skaya revolyuciya* [*World War I and the end of the Russian Empire*. In 3 volumes. *February Revolution*]. T. 3. Sankt-Peterburg: Liki Rossii, 2014. 432 s.

Первая мировая война и конец российской империи. В 3-х томах. Февральская революция. Т. 3. Санкт-Петербург: Лики России., 2014. 432 с.

Pravda [Truth]. 1918. 10 avgusta.

Правда. 1918. 10 августа.

Rupasov A.I, Safonov M.M. *Vokrug otrecheniya Nikolaya II [Around the abdication of Nicholas] in Peterburgskij istoricheskij zhurnal [St. Petersburg Historical Journal]*. 2020. № 2. S. 271-284.

Рупасов А.И, Сафонов М.М. Вокруг отречения Николая II // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2. С. 271-284.

Russkaya Letopis' [Russian Chronicle]. Kn. III. Parizh: Russkij ochag, 1922. 220 s.

Русская Летопись». Кн. III. Париж: Русский очаг, 1922. 220 с.

Safonov M.M. Stavka. Nachal'niku shtaba». Vokrug otrecheniya Nikolaya II [Stavka. To the Chief of Staff." Around the abdication of Nicholas II], in *Velikaya vojna: Poslednie gody imperii. Sbornik nauchnyh statej XX Carskosel'skoj konferencii [The Great War: The Last Years of the Empire. Collection of scientific articles of the XX Tsarskoye Selo Conference]*. Sankt-Peterburg: Serebryanyj vek, 2014. S. 468-484.

Сафонов М.М. Ставка. Начальнику штаба». Вокруг отречения Николая II // Великая война: Последние годы империи. Сборник научных статей XX Царскосельской конференции. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2014. С. 468-484.

Safonov M.M. General N.V. Ruzskij fal'sificiruet istoriyu [General N. V. Ruzsky falsifies history], in *Revolyuciya 1917 goda v Rossii: Sobytiya i koncepcii, posledstviya i pamyat'*. S.-Peterburg, 11-12 maya 2017 goda. *[The Revolution of 1917 in Russia: Events and concepts, consequences and memory]*. St. Petersburg, May 11-12, 2017] Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulanin, 2017. S. 473-483.

Сафонов М.М. Генерал Н.В. Рузский фальсифицирует историю // Революция

1917 года в России: События и концепции, последствия и память. С.-Петербург, 11-12 мая 2017 года. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2017. С. 473-483.

Stavka i revolyuciya. SHtab verhovnogo glavnokomanduyushchego i revolyucionnye sobytiya 1917 – nachala 1918 god po dokumentam Rossijskogo gosudarstvennogo voenno-istoricheskogo arhiva. Sbornik dokumentov 18 fevralya – 18 iyunya 1917. [Headquarter and revolution. The headquarters of the Supreme Commander – in-Chief and the revolutionary events of 1917-early 1918 according to the documents of the Russian State Military Historical Archive. Collection of documents February 18 – June 18, 1917]. T. I. Moskva: Kuchkovo pole, 2019. 1144 s.

Ставка и революция. Штаб верховного главнокомандующего и революционные события 1917 – начала 1918 год по документам Российского государственного военно-исторического архива. Сборник документов 18 февраля – 18 июня 1917. Т. I. Москва: Кучково поле, 2019. 1144 с.

Voejkov V.N. S carem i bez carya [With the tsar and without the tsar]. Moskva: Voenizdat, 1995. 430 s.

Воейков В.Н. С царем и без царя. Москва: Воениздат, 1995. 430 с.

Voprosy arhivovedeniya [Questions of archival science].1962. № 1.

Вопросы архивоведения. 1962. № 1.

Zemlyanichenko M.A. *«Oldgentelman» Frederiks i imperator Nikolaj II. ["Oldgentelman" Fredericks and Emperor Nicholas II]*. Simferlopol': Biznes-Inform. 223 s.

Земляниченко М.А. «Oldgentelman» Фредерикс и император Николай II. Симферлополь: Бизнес-Информ. 223 с.

.